

Я слышу сирены приближающейся машины скорой помощи, пока она не останавливается перед домом. Слушаю рассказ Сакурако-сан и жду, когда вынесут тело. В подобных случаях тело нельзя перемещать, пока врач не констатирует смерть. Вижу, как несколько спасателей выносят из машины скорой помощи носилки. После общения с полицией они поднимаются на второй этаж. Я думал, что это займет немного больше времени, но они быстро выносят из комнаты тело Киёми-сан, завернутое в виниловую простыню. Ёсими-сан плачет, прижавшись к телу Киёми. За её спиной господин Хасигути разговаривает с полицейскими.

Машина скорой помощи не включает сирены, так как Киёми-сан больше некуда спешить. Скорая уезжает, Ёсими-сан утешает мою маму, но Хасигути-сан не двигается с места. Хотя она уже уехала, он ещё некоторое время просто смотрит в ту сторону, куда уехала машина скорой помощи. Я не могу представить себе горе потери любимой невесты. Мне больно смотреть на него в такой глубокой печали, поэтому я снова заглядываю в магазин. Продавец смотрит на нас, и мы встречаемся взглядами, поэтому я быстро прячу лицо в газету.

— Она была красивой.

— А?

— Женщина, которая снимала ту комнату.

Сакурако-сан, которая пытается насладиться своим горячим шоколадом, смотрит на меня с выражением лица, как бы спрашивая: «Что ты, блин, несешь?».

— Летом я часто подрабатываю стрижкой газонов. Моя мама держит квартиры, поэтому я пропалываю огород за карманные деньги.

— Довольно сложная работа.

— Ну, почасовая оплата довольно скромна. Но заработать немного карманных денег можно. Поскольку соседний участок пустует, семена летят в огород, поэтому сорняки растут быстро. Одуванчики часто пробиваются сквозь трещины в асфальте на парковке и возле подъезда, поэтому я часто прихожу туда разобраться с ними, когда становится теплее.

Я указываю на пустую стоянку, которая сейчас покрыта снегом. Там сейчас строительная площадка, грязный гидравлический экскаватор и сборный домик, занесенный снегом.

— Иногда я пересекался с Киёми-сан... Когда я занимался прополкой, она приносила мне холодное питье, чтобы я не получила тепловой удар, и помогала...

Я помню, как ослепительно выглядела Киёми-сан, надевая шляпу и говоря: «Сегодня очень жарко».

— А младшая сестра, Ёсими-сан, совсем другой человек, она аккуратная и скромная... если не сказать больше, она немного простовата.

Тугой пучок и легкий макияж. Простой костюм. Тонкие ногти, покрытые лаком телесного цвета.

«У меня не очень длинные пальцы, поэтому, если я крашу ногти в этот цвет, они кажутся немного длиннее. Так ведь?»

Я вспоминаю её застенчивый смех и смотрю на руки Сакурако-сан. Руки у Сакурако-сан большие, с длинными пальцами. Длинные ногти красиво отполированы, но они цвета цветущей сакуры, ничем не накрашены.

— Она была не из тех, кто одевается для других людей, но я думаю, что её душа очень красива.

— Понятно, это старая история.

— Старая история?

— Другими словами, эта женщина сыграла определенную роль в формировании твоих заблуждений в сфере любви.

— Что?! Сакурако-сан!

— Это нормально. По некоторым данным, девяносто семь процентов старшеклассников имеют подобные фантазии. Хотя не знаю, правда это или нет, но мне не кажется, что это слишком экстремально.

Несмотря на то, что я уже привык к такому, слова госпожи Сакурако заставляют меня неистово краснеть. Самое главное — то, как прямо она говорит. Она всегда говорит об этом так беспечно! Похоже, она считает, что даже о частях тела можно говорить просто, как о погоде. Она ничего не чувствует в том, чего нормальные люди стесняются. Но мне надоело её занудство. И более того, я не хочу, чтобы о Киёми-сан говорили в таком тоне.

— Пожалуйста, прекрати!

И как всегда, Сакурако-сан не слушает меня, когда я пытаюсь её контролировать.

— Я читала диссертацию, в которой говорится, что периодическое выполнение подобных действий может предотвратить рак простаты. Вероятность, что заболеешь, снижается на треть. Хотя есть и версия, что это вредно для организма, в частности, из-за привыкания. Но ты волен делать всё, что хочешь.

— Действительно...

У меня начинает болеть голова.

— Так... Я не это имел в виду. Ну, к ней, конечно, я испытывал благосклонность, но это не то. Это была скорее тоска... и ещё... пожалуйста, имей чуть больше уважения к мертвым! И ко мне!

— Люди есть люди, живые они или мертвые. Разве ты проявляешь уважение к тем, кого не знаешь? — изгибает бровь Сакурако-сан.

На мгновение я не могу поверить, что она заявила нечто подобное. Разве люди не должны всегда уважать друг друга?

— Всё равно! Я полюбил её! Я люблю её, как люблю всех людей, а не как... Пожалуйста, больше не говори вот этих гадостей!

Я непроизвольно встаю и повышаю голос, отчего Сакурако-сан быстро становится кроткой. Я в ужасе прижимаю пальцы к щекам.

— Успокойся... Не думала, что это так сильно тебя встревожит.

Я замечаю, что по моим щекам текут слезы. Интересно, неужели госпожа Сакурако не может понять очень простого чувства, что это грустно, когда знакомый уходит из жизни? Сакурако-сан впервые замечает, как сильно она меня обидела. Она с сожалением смотрит на меня и негромко извиняется.

— Такие вещи действительно шокируют... Я не могу поверить, что Киёми-сан умерла...

Когда я опускаюсь на стул, специи на столе издают причудливый звук, как будто вздыхают одновременно.

— Но это правда. Она просто труп в комнате.

— Правда... разве это не запертая комната?

— Неужели? Запертая на все замки?

— В комнате был... беспорядок.

— Девушка должна уметь убираться.

— Это неправильно выглядело. Когда я приходил к ней в гости и пил с ней травяной чай, в комнате всегда было уютно и идеально чисто.

Я помню, что комната была выдержана в естественных тонах — белых, зеленых и коричневых, как и здешнее кафе. Киёми-сан любила открывать окно, а не пользоваться кондиционером, когда мы пропалывали землю, поэтому внутри немного пахло землей. Расставляя оранжевые, желтые и зеленые занавески с цветочным узором и кружевом в стиле ретро, она с нежной улыбкой спрашивала: «хочешь пить?» и доставала из холодильника стеклянный заварочный чайник, приготовленный заранее. Холодный мятный чай наливала в стакан, разрисованный цветными крапинками.

«Он должен быть освежающим. Он домашнего приготовления» — говорила Киёми-сан, наливая в стакан побольше.

В этом году она собрала много мяты. Хотя это был её первый опыт приготовления мятного чая, она сказала, что получилось лучше, чем ожидалось. Мне, разгоряченному работой, чай показался приятным, но вкусным его не назовешь, меня больше занимало утоление жажды. Но все же нежный смех Киёми-сан, её сияющая красота... я был рад, что она угостила меня. Конечно, я говорил что-то вроде «это очень вкусно» и «это полезно для организма». Восторженная улыбка Киёми-сан была для меня достаточной наградой, и мы болтали до середины летнего дня. Тихая, скромная, летняя сцена.

Я не был очень близок с Киёми-сан, поскольку наши жизни не очень-то пересекались. Если бы она вышла замуж и уехала, мы бы больше не смогли видеться. Но я считал, что это нормально. Не скрою, я немного ревновал, когда узнал, что она помолвлена. Но я думал, что хочу, чтобы она была счастлива.

Нет, я думал, что эта девушка обречена на счастье. Ведь она нежно смеется, красит ногти под цвет кожи и угощает гостей домашним мятным чаем. Она любит жениха. Она обязательно будет хорошей женой, хорошей матерью, и когда придет время, я скажу ей «поздравляю». Поэтому её жизнь не могла закончиться вот так. Киёми-сан из тех людей, которые могли бы прожить прекрасную жизнь. Трагедия не должна была произойти с ней. Я могу сказать это с полной уверенностью.

— Комната, которую снимала Киёми... Есть ли там следы драки? А как же тот извращенец, о котором говорил хозяин магазина?

— Да ну? Ты, получается, не отрицаешь, что всё это действительно является убийством в запертой комнате? — Сакурако-сан изогнула бровь и произнесла удивленно. Кстати говоря, я не могу понять, чему она так удивляется.

— Разве ты не того же мнения, Сакурако-сан?

Ну что ж, что тут скажешь? Интересно, предпочла бы она умереть от болезни? Сакурако-сан задыхается от смеха, и я бросаю на неё озадаченный взгляд.

— Позволь мне сказать две вещи. Эти «фокусы» возможны только в сказках. Ты действительно глуп.

— Что...

Ну, я и впрямь не очень умный. Когда находишься рядом с Сакурако-сан, это особенно хорошо понимаешь. Однако в данной ситуации я не мог понять, как Киёми-сан умерла.

— Ну, тогда что ты думаешь, Сакурако-сан?

— Обычно, когда кого-то убивают, о чем большинство людей думает в первую очередь?

— О методе?

Сакурако-сан трижды щелкнула языком — это означает «нет».

— Нет. Они спешат убедиться, что точно убили жертву.

Она говорит, откинувшись назад, будто сейчас сидит в своем удобном кресле в поместье.

— Люди, которые хотят кого-то убить, будут убивать, несмотря ни на что. Первое, о чем они думают, — это о том, как стереть человека с лица земли, а что будет потом — уже вторично.

Сакурако-сан вдруг берет ложку в руку.

— Понимаешь? Ложкой можно убить человека, если очень захотеть. Другими словами, убийство — не метод. Это чувства и импульсы. Большинство людей, совершающих убийство, хотят убить свою жертву. Это очень актуально. Причина большинства убийств — глупость. Есть много тех, кто следует этому методу, но есть и много исключений.

Она говорит, поднимая ложку к лицу. В круглой серебряной ложке отражается свет ярких фар полицейской машины. Я нервно сглатываю слюну.

— Другими словами, на убийство людей толкает «болезнь» — желание убивать, порождаемое эмоциями. Конечно, есть люди, которые тщательно готовятся. Но «хочу убить» — это метод более простой, надежный, требующий лишь грубой силы, не опирающийся на неопределенные уловки. Понимаешь? Убийство бессмысленно, если ты не убиваешь на самом деле. Иначе говоря, убийство в реальной жизни никогда не будет похоже на загадку. Люди не убивают, полагаясь на вероятность или азарт.

— Ну, Сакурако-сан, как ты думаешь, что произошло в том месте?

— Желаеть, чтобы я ради тебя поиграла в детектива?

— Я бы сказал, что я глуп, поэтому я просто хочу, чтобы ты доказала, что ты умная.

— Понятно. И да, всё верно. — говорит Сакурако-сан, вставая. — Пойдем.

— А?

Девушка выглядит озадаченной, затем указывает на улицу. Я смотрю: полицейские садятся в полицейскую машину и уезжают. Быстро надеваю пальто, а госпожа Сакурако спокойно направляется к кассе.

— С вас 1160 йен.

Сакурако-сан широко улыбается продавцу и говорит, что «это был очень вкусный горячий шоколад», расплачиваясь, и продавец торопливо убирает свою газету. Красота Сакурако-сан заставляет мужчину радостно краснеть, пока она говорит.

— В домашних условиях я смешиваю французский и бельгийский шоколад *couper tuile*. Чтобы придать ему такой вкус, нужно совсем немного какао. А потом аромат шоколада, разогретого не на прямом огне! Погружением в горячую воду...

Владелец магазина то ли действительно хотел поговорить с ней, то ли был рад, что она похвалила его горячий шоколад, но Сакурако-сан не расположена к разговору.

— Простите. Это действительно было очень вкусно. — я впопыхах извиняюсь перед разочарованным продавцом, а затем бегу за Сакурако-сан, которая выходит из магазина.

— Пожалуйста, приходите ещё!

Но дверь закрывается прежде, чем продавец заканчивает, и я кланяюсь стеклу. Может, ещё представится шанс. Но как бы вкусно это ни было, возвращаться сюда отныне неловко.